

Протоиерей Владимир Воробьев

В этом мире без подвига ничего хорошего не сделаешь

В этом году ректору Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерею Владимиру Воробьеву исполнилось 80 лет. Известный московский священник рассказал «Журналу Московской Патриархии» о том, как жили верующие семьи в советское время, как москвичу и кандидату наук было непросто стать священником, как зарождался Свято-Тихоновский университет и чем ценен для нас подвиг новомучеников.

Новое научное знание как откровение

— Досточтимый отец Владимир, перед нашим интервью вы держали в руках фотографию вашего деда, вашего полного тезки

протоиерея Владимира Воробьева. Как у вас в семье поддерживается память о нем?

— Меня назвали в честь дедушки, отец очень его чтит. Много рассказывал про него. И конечно, я знал некоторых его духовных чад. Они тоже

рассказывали о нем, передавали мне письма дедушки, потом я нашел его следственное дело. Ездил на первое место его служения в женском монастыре, который был полностью уничтожен, на место его ссылки и последнего ареста. Для меня его образ был всегда очень дорог, и я с детства хотел быть священником.

— Хотя вы чувствовали с детства это призвание, все же поступили в Московский университет. Почему произошло такое изменение жизненной траектории?

— Все было довольно просто. Меня бы просто туда не взяли. Тогда в семинарию поступали только через Совет по делам религий. И пропускали туда в основном простых ребят из деревни. А мой отец был доцентом МГУ. Это уже заранее закрывало мне дорогу в семинарию. Поэтому я сначала хотел поступать на исторический факультет МГУ, думая, что историки для Церкви могут быть тоже полезны.

Но когда мой отец, преподававший логику в МГУ, узнал, что я собираюсь поступать на исторический факультет, то сказал: «Ты же там ни одной работы не сможешь опубликовать, у тебя не получится заниматься наукой, там один марксизм. Иди лучше изучать естественные науки. Церкви, например, нужны специалисты по философским вопросам физики».

Так меня уговорили. Я даже год пропустил — никуда не стал поступать сразу после школы, хотя у меня была медаль. Но послушался и поступил на физический факультет МГУ.

— Послушание даже до кандидатской степени! Вы ведь не только окончили университет, но потом и продолжили учебу по специальности?

— Да, я окончил физический факультет благополучно, учиться было интересно. Но потом я понял, что все равно это далекая для меня область, и решил все же поступить на заочное отделение исторического факультета.

Но это оказалось непросто. Физик на исторический факультет мог поступить только имея работу близкого профиля. Меня никуда не брали, даже в рентгеновский кабинет реставрационного учреждения.

Зато знакомый физик пригласил к себе в аспирантуру, и меня взяли туда без экзаменов. Если делаешь все по благословию, по послушанию, то сразу все получается.

Храм святителя Николая в Кузнецкой слободе

Экскурсия по Музею новомучеников для делегации Православной Церкви в Америке. 2019 г.

*Протоиерей
Всеволод Шпиллер
(слева)*

*Протоиерей
Владимир Воробьев
с фотографиями
своего деда,
протоиерея
Владимира
Воробьева,
в честь которого
он был назван
при крещении*

Еще более чудесным образом состоялась моя кандидатская работа. Человек, который взял меня в аспирантуру, был болен раком и меньше чем через год скончался. Я остался без руководителя, даже без темы кандидатской работы. А первый год аспирантуры уже прошел.

И тут один мой друг предлагает: давай я дам тебе тему по теории упругости. А для меня это совершенно новое направление. Получили благословение. Мне объяснили тему, я прихожу домой, беру лист бумаги, ручку и думаю: что же мне делать, непонятно даже, с чего начинать.

Вспомнил, как Гоголь, когда у него был творческий кризис, вставал за конторку, брал перо и писал: сегодня я должен писать, я должен сегодня писать. Постепенно у него появлялись нужные мысли. Так и я стал писать какие-то формулы.

На середине страницы вдруг у меня написалась формула, с помощью которой заданная мне задача решилась в одну строчку. Посмотрел другие, более сложные задачи, которые в университетских учебниках решаются на нескольких страницах. А у меня они тоже решались в одну строчку. Пошел к тому, кто мне эту тему дал, говорю: вот какая-то формула интересная получи-

лась. Он посмотрел и говорит: «Ну, кандидатская готова».

— Выходит, написали кандидатскую за пять минут?

— Нет, конечно, потом ее нужно было обрабатывать, применять к новому типу заданий. Но эта формула была такая мощная, что сильно расширила класс решаемых задач.

Так чудом была написана моя кандидатская. Я всегда считал, что это за послушание. И еще я понял, что всякое новое научное знание является откровением и в этом смысле принципиально не отличается от православной веры.

— Основываясь на этом опыте, как вы определите значение духовника в жизни христианина, в том числе и в жизни священника?

— Мне кажется, здесь не может быть вопросов. Везде нужны учителя: и в школе, и в музыке, и в живописи. Тем более в духовной жизни. Это ведь даже более сложная материя, чем обычная специальность. Мне 80 лет, но я не могу сказать, что я не нуждаюсь в духовнике. Отец Павел (Троицкий) в течение десятков лет был моим духовным руководителем. Я спрашивал его подробно не только о том, как и что мне делать, но и задавал вопросы про своих духовных чад. А после его

Протоиерей Владимир Воробьев с духовенством и преподавателями Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в Николо-Кузнецком храме

кончины я обращался к отцу Иоанну (Крестьянкину), к отцу Кириллу (Павлову). Послушание — это основа духовной жизни.

И кандидат наук может стать священником

— Как складывалась жизнь вашей семьи в условиях советского времени?

— Жизнь наша была, конечно, совершенно нетипичной для того времени. Я родился в церковной семье. Мой дед, священник, был трижды арестован и умер в тюрьме. С раннего детства мама рассказывала мне о Боге, за что я ей бесконечно благодарен. Еще стоя в детской кроватке, я молился каждый вечер вместе с мамой. Я не помню себя без молитвы. У нас всегда висели иконы, хотя приходилось прятаться.

Мы жили в коммунальной квартире в одной комнате, по соседству — неверующие люди, даже чекисты. Доносы писали. Это было очень страшное время. Когда мне было шесть лет, родители объяснили мне, что никогда и нигде я не должен ничего рассказывать о том, как мы живем, иначе папу с мамой могут арестовать.

— А где вы в то время находили друзей, с которыми у вас было полное единомыслие?

Как только я стал священником, без конца исповедовал. Жажда покаяния была в людях огромная, и исповедовать приходилось по домам, по ночам, и это было бесконечно.

— Их было немного. Например, с матушкой отца Бориса Левшенко, которая скончалась недавно, мы с пятилетнего возраста были дружны. Также с матушкой отца Валериана Кречетова: ее мама училась с моим отцом в университете в одной группе, они слушали лекции по философии еще у Ильина и Франка. С отцом Александром Салтыковым, моим двоюродным братом, мы дружим всю жизнь. С отцом Александром Щелкачевым тоже. Мы все друг друга знали, все жили в центре Москвы, ходили друг к другу в гости.

— А какой храм вы посещали в детстве?

— Мой первый приход, в который привела меня мама, — Иерусалимское подворье рядом с Гоголевским бульваром. Там был настоятелем отец Александр Скворцов. Замечательный священник! Он служил в благочинии моего деда

Организационное собрание со студентами ПСТБИ 1 сентября 2020 года (вверху)

Здание Московского епархиального дома в Лиховом переулке в Москве

и тоже провел годы в лагерях и ссылках и в тот момент был уже очень пожилым человеком. Он сразу завел меня в алтарь, поисповедовал первый раз, потом отвел к маме на клирос и сказал: «Он будет священником».

А потом я ходил в храм Илии Обыденного, туда ходили многие люди из маросейской духовной общины.

Позже по благословению отца Павла (Троицкого), после смерти моего духовника, я пошел к отцу Всеволоду Шпиллеру в Николо-Кузнецкий храм. И много лет помогал в алтаре, стараясь не пропускать ни одной его службы.

— *Каким был путь человека, решившего принять сан, в советское время?*

— Это был очень сложный путь. Отец Всеволод как-то меня подозвал и спрашивает: «Хочешь быть диаконом?» Я говорю: «Нет». Он очень удивился: «Почему?» — «Потому что у меня нет голоса, какой из меня диакон». — «А священником быть хочешь?» Я говорю: «Хочу». — «Ну хорошо, — соглашается. — Будь священником».

А потом отец Всеволод мне говорит: «Вот раньше, при Патриархе Алексие I, я бы мог тебе помочь, а сейчас ничем помочь не могу. Я хоть тебя и благословляю, но даже не знаю, как ты сможешь стать священником».

Я ответил: «Раз есть благословение Божие, значит получится» — и стал искать способы поступить в семинарию, а это было возможно только для тех, кто работает в церкви.

Но ни в один храм никто меня не брал: ни сторожем, ни истопником, ни алтарником. Увидят в документах, что кандидат наук, и бояться неприятностей. И вот однажды отец Александр Куликов должен был говорить проповедь в Елоховском соборе (тогда было такое правило). Увидев там старосту Николая Семеновича Капчука, он спросил, не нужен ли в соборе

ТЕОЛОГИЯ — ЭТО НАУКА

Благодаря деятельности Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, и в частности, его ректора протоиерея Владимира Воробьева, теология была признана в России научной специальностью и введена в общую систему российского образования. В феврале 2001 года Министерством образования РФ был утвержден стандарт по образовательному направлению Теология (бакалавриат и магистратура), получили лицензию и ввели направление «православная теология» (бакалавриат) восемь вузов России. Для обеспечения нормального учебного процесса в соответствии с приказом Министерства было образовано отделение по теологии Учебно-методического объединения классических университетов (УМО). 1 июня 2017 года в России впервые прошла защита диссертации по теологии. Кандидатскую степень по теологии получил декан богословского факультета ПСТГУ протоиерей Павел Хондзинский.

алтарник. Николай Семенович не испугался моей кандидатской степени и взял меня в собор. А владыка Владимир (Сабодан), в то время бывший ректором МДАиС, дружил с Николаем Семеновичем и частенько приезжал в Елоховский собор.

И как-то раз владыка Владимир мне говорит: «Вот вы хотите в семинарию поступить, но это невозможно, кандидатов наук к нам не пропускают. Впрочем, есть один способ. Мы принимаем документы абитуриентов до 1 августа. Перед закрытием приемной кампании к нам приезжает чиновник из Совета по делам религий и все документы, которые мы получили, забирает на проверку. Но это — советский служащий, и он хочет в пять часов вечера, когда заканчивается рабочий день, уже быть свободным. Поэтому он уезжает в четыре часа. А мы целый час еще можем принимать документы у поступающих, потому что у нас рабочий день до пяти. И вот если вы придете в этот момент с документами, то ваши бумаги в Совет не попадут. Только потом сразу же уезжайте и дома не показывайтесь, пока вас не зачислят».

Я так все и сделал. Меня зачислили, а когда я приехал домой, почтовый ящик был забит повестками в военкомат.

Студенты богословского факультета в летнем лагере

Конверт от тайного благодетеля

— Вы прочитались полный курс в семинарии и там рукоположились?

— Меня взяли сразу во второй класс. А у меня уже была семья, и жена с тремя детьми сидела в Москве без денег. Я учился на очном отделении и помочь им ничем не мог. И тут случилось еще одно чудо.

Как-то меня вызывают в инспекторскую за письмом. Открываю конверт — а в нем ровно моя месячная зарплата алтарника. И такие письма я получал в течение года каждый месяц, но так и не узнал, от кого приходили деньги, на которые моя семья смогла просуществовать целый год.

Весной говорю: «Мне же невозможно так долго учиться на очном отделении, надо рукополагаться и на приход идти».

И вот старший инспектор, отец Александр Тимофеев, который потом стал ректором и архиепископом, говорит, что вообще-то рукоположить они меня не могут, потому что все документы подаются в Патриархию, а оттуда они передаются в Совет по делам религий на проверку. Но есть идея.

На Страстную и на Пасху Патриархия закрывается, а в Академии не могут не совершать хиротонии, потому что целый поток выпускников нужно рукоположить до конца года. И документы этих семинаристов уже потом, задним числом отправляются. И если в это время будет хиротония, то получится обойти Совет по делам...

Вручение дипломов студентам богословского факультета и ПСТБИ. 2020 г.

Так меня и рукоположили. Уполномоченный очень рассердился и три месяца не разрешал рукополагать москвичей вообще. И первый москвич, которого рукоположили после меня, был отец Димитрий Смирнов.

Меня долго на приход не назначали, потом наконец мне вручили указ о назначении в храм в Коломенском, но перед этим меня вызвал уполномоченный и сказал примерно следующее: «У нас ни один человек, занимающий административную должность, даже директор завода, никто не имеет права выступить перед народом, если он не представит свою речь на проверку заранее. Это разрешается только священникам — с амвона говорить проповедь. Понимаете, какое вам доверие? Вот вы идите служите, а через месяц приходите ко мне и все-все расскажите про всех, про все. Так, как будто я сам побывал в храме. И я тогда вам дам регистрацию».

Я не пришел рассказывать «про всех, про все», и через пять месяцев меня выгнали из этого храма, я опять остался на улице. У меня уже было четверо маленьких детей.

Потом через какое-то достаточно долгое время вызывает меня отец Матфей Стаднюк и дает мне указ на Преображенку. Этот храм был «разгромлен» после отца Димитрия Дудко. Меня многие знали по Кузнецам, и со временем в храм стала приходиться молодежь. Получалось,

что на исповедь всегда стояла большая очередь. Это очень не нравилось властям. В конце концов меня из храма на Преображенке перевели в Вешняки.

— В Вешняках вы были уже сложившимся паствырем. Как мне рассказывали, вокруг вас там стали собираться многодетные семьи.

— Я не собирал специально многодетные семьи. Я просто всегда говорил всем, что если ты выбрал семейную жизнь, то нужно детей рожать столько, сколько Бог дает. Объяснял, что не должно быть «планирования рождаемости». Потихоньку храм наполнился многодетными семьями.

У нас образовался свой молодежный хор. Сначала постоянные прихожане приняли это в штыки и сильно скорбели: «Вместо наших бабушек своих каких-то ставит петь». Но молодежь так хорошо пела, что их очень скоро все полюбили. И этот клирос стал основой нашего певческого факультета. Ведь в девяностом году меня вдруг перевели в Кузнецы.

Крещение — это общецерковное торжество

— Наверное, главное ваше дело в Кузнецях — это создание общины. Что вы с высоты своего опыта и лет могли бы рассказать молодому настоятелю о том, как создать дружную общину?

— Вы знаете, я никогда никаких планов и проектов не строил. Все получалось естественно, само собой. Просто как стал священником, без конца исповедовал. Жажда покаяния была в людях огромная, и исповедовать приходилось по домам, по ночам, и это было бесконечно.

Люди приходили, ждали, сидели часами. Все это было тайно, по разным квартирам, потому что в храме исповедовать было нельзя. В результате мои так называемые духовные чада подружались между собой. Так и получилась община. Я старался чем мог помогать.

Организовали детский хор, который тоже в те годы занимался по квартирам, потому что за обучение детей Закону Божию давали сразу два года тюрьмы. Поэтому мы в одном и том же месте не рисковали петь больше одного раза, чтобы не подвести хозяев. Детский хор был замечательным, и мы даже выпустили пластинку с записями песен. Этот хор потом стал основой нашего клироса. А преподаватели, которые занимались с детьми, стали преподавать на факультете церковного пения.

— Как вы объединяете вокруг людей? Или они собирались десятилетиями?

— Я никак не объединяю, ничего не сделал, просто служу. Исповедую, стараюсь с любовью к людям относиться.

— Я как-то присутствовал у вас на венчании. В храме Николы в Кузнецях в тот момент было, по-моему, священников человек пятнадцать.

— У нас всегда так: когда кто-то из общины венчается, то все священники хотят поучаствовать. Мне кажется, в значительной степени такое торжественное венчание дает почувствовать, что такое православный брак, православная семья.

И крещение мы тоже совершаем неторопливо. Помню, как мне приходилось крестить на Преображенке, это было ужасно: на кухне, между вешалкой и помойным ведром, по-быстрому, за десять минут. Я воспринимал это как вынужденный кошмар. Потом в Вешняках было более спокойно. Храм был побольше. Но там приходилось крестить за один раз по сто человек. Гвалт такой стоял, что когда читал последование — своего голоса не слышал. В купель погружать можно только детей, у нас было две купели. И вот макаешь, пока только можешь, потому что нужно сэкономить воду. И 12-летних

Во время крещальной Литургии в Князь-Владимирском храме в Лиховом переулке

три раза макаешь — вода уже грязная в купели. Потом уже, когда остаются человек тридцать взрослых, их уже в тазик ставишь и этой грязной водой поливаешь, лишь бы воды хватило. Вот такие времена были.

Когда меня перевели в Кузнецы, была уже перестройка, и первым делом мы возвели приходской дом, а в нем разместили домовый крестильный храм. Установили купель и написали объявление, что в нашем храме все требы совершаются бесплатно. Я думал, что не согласятся отцы: у нас ведь были и пожилые священники. Но я предложил, и они вдруг согласились. Мы написали объявление, поставили урну для пожертвований. Кто-то важный даже сказал, что Воробьев сошел с ума, потому что сразу было понятно, что экономика храма пострадает из-за этого решения.

Но после того, как мы это сделали, все изменилось. Когда к нам приходили люди креститься, мы теперь могли спросить их о серьезности намерений. И в ответ нам уже не могли сказать: «Деньги взяли — теперь делайте свое дело». Стали готовить людей к крещению: читать Евангелие, находить верующих восприемников, а потом вообще по благословению Патриарха Алексия стали служить крещальную Литургию. И крещение стало восприниматься совершенно иначе — как общецерковное торжество.

Борьба за теологию

— *Очень многое из того, что вы делали в качестве ректора Свято-Тихоновского института, потом университета, было совершенно прорывным, новым. ПСТГУ во многом сформировал новое движение внутри Церкви. У вас была мечта создать институт?*

— Знаете, отец Всеволод Шпиллер незадолго до своей смерти мне сказал: «Мы хотели создать в Кузнецках оазис, но время еще не пришло. Но скоро советская власть падет, и в Церковь пойдет молодежь. А кто ее будет встречать? У нас ее встречать некому».

Я ничего не проектировал, не планировал, но мысль такая была. Примерно в 1988 году

отец Димитрий Смирнов приходит ко мне и говорит, что около его дома есть кинотеатр, где можно провести лекторий. Мы собрались с отцом Аркадием Шатовым, отцом Александром Салтыковым, написали какое-то объявление. Кинотеатр был набит битком. Мы читали короткие лекции. А потом пошли записки. Тысячи! Много часов отвечали на вопросы. А народ стоит и не отпускает.

После этого отец Димитрий пошел в другой кинотеатр, на Красную Пресню. И там мы повторили лекторий.

Вскоре договорились об аренде железнодорожного клуба на площади трех вокзалов. А это огромный клуб на тысячу человек. И там все битком! Позвали больше священников, отец Глеб Каледа к нам подключился. Составили программу, провели уже годовой лекторий: снова читали лекции, отвечали на вопросы. А весной подходят к нам слушатели и говорят: а что, продолжения не будет? Нельзя ли посерьезнее что-то спланировать? Так возникли катехизаторские курсы. Зачислили на них слушателей этих наших лекториев, поэтому в конце первого года у нас уже был первый выпуск. И они опять подходят: давайте институт сделаем! Посовещались, я пошел к Патриарху Алексию, и он согласился учредить наш институт.

— *С этого момента и до сегодняшнего дня Свято-Тихоновский университет — это одно из ключевых образовательных учреждений.*

— Сразу объявили набор на вечернее отделение. Пришли те, кого Академия не брала к себе учиться. Это был очень хороший набор: серьезные люди, семейные, уже работавшие, многие с высшим образованием. Состоявшиеся, целеустремленные, твердо выбравшие свой путь люди, из которых получились прекрасные священники.

— *А признание теологии научной дисциплиной — это ведь тоже ваша заслуга?*

— Мы последовательно боролись за то, чтобы вернуть права богословской науке, богословскому образованию. В Европе, в Америке, во всем мире теология признана научной дисциплиной, и только у нас Советская власть отказалась придать богословию научный статус. Сначала мы боролись за теологическое образование, но образования без науки ведь не существует. Наука необходима. Но богословские степени, которые присваивали духовные школы и наш институт, не признавались государством. Это было настоящей дискриминацией.

Крайне важно было, чтобы теология была не только включена в число образовательных специальностей, но чтобы она попала в перечень научных специальностей ВАКа (Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. — *Примеч. ред.*). Но тут мы встретили сокрушительное сопротивление академиков, официальных лиц, а также прессы. Буквально травля теологии началась.

Мы хлопотали и организовывали всякие комиссии по рассмотрению этого вопроса. Мне приходилось переходить из одной комиссии в другую. Комиссия работала, закрывалась, создавали другую. Эта тоже закрывалась, третья начинала работать. Но я давно понял, что отступать нельзя. Если воюешь, то нужно идти до конца. Нельзя сдаваться. Так у нас понемногу стали появляться сторонники в Администрации, в Думе. И с большими усилиями все получилось. Теперь у нас могут быть свои доктора, свои кандидаты, теология имеет все академические права и может развиваться.

Новомученики победили коммунизм

— Вы один из тех людей, которые сыграли исключительную роль в деле канонизации новомучеников. Ваша личная семейная история тоже на это повлияла. Как вам кажется, то, что мы имеем столько новомучеников, — это трагический эпизод нашей истории или предостережение, что все это может повториться?

— У меня есть уверенность, что Церковь стоит на крови мучеников: так было с первых веков, так было всегда. Любой подвиг — это мученичество в широком смысле слова. Но кровавое мученичество — это особое дело, конечно. Именно подвиг новомучеников стал той силой, которая противостояла мировому кризису веры. Потому что та революция, которая у нас свершилась, имеет мировой масштаб. Революций ведь было много: политическая, культурная, информационная, сексуальная. И не только у нас: во всем мире до сих пор продолжают сотрясаться основы человеческой жизни.

Движущей силой революций в основном является сила зла. Потому что революция всегда хочет все разрушить. Известный дьявольский принцип: то, что есть, — все до основания разрушить и построить свой неизвестно какой мир, про который всегда обещают, что он будет лучше, а он становится всегда хуже. И противостоять разрушению основ можно только подвигом.

Получилось, что Россия явилась передним краем на мировом поле боя добра со злом. И именно Православная Церковь должна была выстоять в этом бою. Наши мученики победили. Согласитесь, звучит потрясающе: «непобедимый» ком-

мунизм, который охватил полмира, оказался побежденным именно мучениками, не кем-то еще.

Мы пережили перестройку, девяностые годы, колоссальный подъем веры, которому не было равных в истории. Я уверен, что без подвига мучеников этого просто не могло быть. Уверен, что все, что мы сейчас имеем доброго, хорошего, и все, что нам удалось построить, — не наша заслуга.

Епархиальный дом в Лиховом переулке, который стал главным зданием ПСТГУ, является прямым символом победы над злом и безверием. Отсюда вышло целое воинство новых мучеников. Их кровь стала семенем веры. Дом в Лиховом переулке совсем недавно был чудом восстановлен из руин, и теперь здесь снова кипит церковная жизнь, так, как и во всей Русской Церкви. Я думаю, что придет время, и снова потребуются мученичество. В этом мире без подвига ничего хорошего не сделаешь.

Уполномоченный очень рассердился и три месяца не разрешал рукополагать москвичей вообще. И первый москвич, которого рукоположили после меня, был отец Димитрий Смирнов.

— Сейчас в епархиальном доме располагается богословский факультет ПСТГУ, и многие его выпускники выбирают путь священства. Какими должны быть современные пастыри, с вашей точки зрения?

— Пастырь должен быть человеком, который полностью отдает себя Христу и Церкви. Он должен жить этой любовью ко Христу. И должен быть жертвой. Должен сознательно себя отдавать на скорби, на трудности, даже до смерти. Тогда его служение будет плодотворным. Тогда благодать Божия будет с ним. Мы сильны тогда, когда с нами Бог. А без Бога мы ничего не значим, ничего сделать не можем. Поэтому священник, конечно, должен отдавать свое сердце Богу. Жить для Бога, не для себя.

Беседовал священник Александр Волков

Фотографии из архива Православного

Свято-Тихоновского гуманитарного университета
и Сергея Пронина